

Янина Карпенкина

(Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт советской и постсоветской истории

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент

E-mail: ykarpenkina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9906-4340

«Между сталинизмом и войной»: повседневность еврейской молодежи в Западной Белоруссии, 1939-1941 гг.

Аннотация: В центре внимания в этой работе – трансформация детско-юношеской повседневности еврейской молодежи в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. На основе анализа эго-документов и материалов советских архивов автор заключает, что в Западной Белоруссии, как и в остальных советских регионах, при реализации политики советизации особые надежды возлагались на воспитание молодого поколения. В отношении многих еврейских детей и подростков меры советской молодежной политики имели внушительный успех. Находясь в 1939–1941 гг. в довольно трудных социально-политических условиях, еврейская молодежь, в отличие от старшего поколения польских евреев, в большинстве своем оказалась весьма восприимчива к политике советизации, которая предоставляла молодым людям широкие возможности эмансипации.

Ключевые слова: Западная Белоруссия, Восточная Польша, польские евреи, молодежь, советизация

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.07

1 сентября 1939 г. вторжением Германии в Польшу началась Вторая мировая война. 17 сентября советские войска перешли восточные границы Польши, начав так называемый Польский поход Красной армии. Так Польша была разделена между Третьим рейхом и Советским Союзом. Подписанный 28 сентября «Договор о дружбе и границе» утвердил новую германо-советскую границу, проходившую почти посередине уже не существовавшего Польского государства. Присоединенные таким образом к СССР восточнопольские области¹ были разделены на Западную Бело-

¹ В эту территорию входили следующие воеводства: Виленское, Новогрудское, Полесское, Волыньское, Гродно-польское, Львовское, Станиславовское. Первые три,

руссию и Западную Украину, которые в ноябре 1939 г. официально вошли в состав соответствующих советских республик – БССР и УССР.

Период и территория, о которых пойдет речь, уникальны прежде всего по двум причинам. Во-первых, присоединив восточнопольские области, советская власть в условиях нарастающей международной напряженности делала все возможное, чтобы поскорее советизировать свое новое западное пограничье. Для этого исключительно быстро и крайне широко применялись «проверенные» в СССР в 1920–1930-е методы (от репрессий и коренизации до реформирования системы образования). Столь усиленная советизация переживалась местным населением как тяжелое социальное потрясение. Во-вторых, период 1939–1941 гг. был начальным этапом Второй мировой войны. Для местных жителей, однако, «война» закончилась 28 сентября, когда «окончательно» стихли военные действия, а над их головами перестали летать истребители. Между тем военная разруха ощущалась повсеместно. Таким образом, строящийся на присоединенной территории сталинизм и тень войны, нависшая над этим регионом, полностью определяли социально-экономическую обстановку в нем. Поэтому характеризуя западнобелорусскую повседневность в 1939–1941 гг., я условно обозначаю ее как пространственно-временной континуум, находящийся между двумя событийно-временными полюсами – «между сталинизмом и войной».

Историю советизации еврейского населения Западной Белоруссии и Западной Украины нельзя назвать малоизученной [см. следующие работы на эту тему: Pinchuk 1990; Levin 1995; Розенблат, Еленская 1997; Bender 2008; Bauer 2009 и др.]. В существующей по этой проблеме литературе многократно подчеркивается, что в ходе советских преобразований в западных областях БССР и УССР в неоднозначном положении оказались в первую очередь местные евреи. С одной стороны, они впервые получили возможность повысить свой социальный статус, занимая ранее недоступные им государственные должности, иногда – весьма престижные. С другой стороны, «мельница» советизации перемолола многих из них – раввинов, меламедов, канторов, идейных сионистов и бундовцев, зажиточных промышленников и банкиров, а также сотни тысяч мелких торговцев-частников. Великая Отечественная война помешала завершить советские преобразования в западных областях. Советизация этих территорий продолжилась уже в послевоенные годы. Однако превращение восточнопольских евреев в советских граждан навсегда осталось частью «довоенной»² истории: в западных областях БССР

за исключением Вильно и Виленского района, вошли в состав БССР, остальные – в состав УССР.

² В данном случае под «довоенной историей» я понимаю период до начала Великой Отечественной войны и Холокоста на советской территории.

и УССР в войне выжило не более 25% от прежнего еврейского населения [Бернштейн 2015, 172].

Еще в 1990 г. Б.-Ц. Пинчук в своей книге “Shtetl Jews under Soviet Rule” [Pinchuk 1990] впервые обратил внимание на то, что еврейская молодежь оказалась наиболее податливой для советизации категорией польского еврейства. В последующем поднятая им проблема – жизнь молодежи в условиях кардинальных социально-политических изменений 1939–1941 гг. – не получила развития. Таким образом, история детей и юношества в Западной Белоруссии и Западной Украине в сложный период «между сталинизмом и войной» все еще не была должным образом осмыслена.

В настоящее время существует немало исследований по истории советской молодежи эпохи сталинизма [Kelly 2007; DeGraffenried 2014; Смирнова 2015; Kucherenko 2016; Winkler 2017; Бернштейн 2018 и др.]. В этих работах неоднократно отмечается, что, с точки зрения советской власти, стать в полной мере советским по прошествии определенного времени могло только молодое поколение. Соответственно, эффективность мероприятий, направленных на превращение молодых жителей присоединенного региона в «правильных советских граждан», являлась критерием успеха политики советизации. В этой связи анализ повседневных практик еврейских детей и юношества в 1939–1941 гг. может дать некоторое представление о том, какие результаты и перспективы развития к июню 1941 г. имела данная политика в отношении евреев означенного региона.

В центре внимания здесь – влияние вышеназванных социальных потрясений на повседневность, социальное положение и образ мыслей молодого поколения польского³ еврейства западных областей СССР (на примере Западной Белоруссии) в 1939–1941 гг. Под поколением я, следуя концепции К. Меннгейма, понимаю когорту людей, переживших одни и те же социальные потрясения (или, как их называл К. Меннгейм, процессы «динамической дестабилизации») [Mannheim 1952]. При этом я допускаю, что в самом поколении могут быть выделены субгруппы (в данном случае – дети и юношество). Таким образом, предметом настоящего исследования является еврейская молодежь (от 7 до 20 лет). Важно учитывать, что это было поколение, не знавшее, в отличие от их родителей, Русской революции⁴ и большевистской власти. Наконец, необходимо помнить, что абсолютное большинство представителей моло-

³ В настоящем исследовании евреев, проживавших на бывших восточнопольских территориях, я называю польскими, поскольку таково было их самоопределение в 1939–1941 гг.

⁴ Здесь и далее по сложившейся в последние годы историографической традиции (например: Колоницкий 2001; Булдаков, Леонтьева 2017) под Русской революцией я понимаю все революционные события, произошедшие в России в

дого восточнопольского еврейства не пережили Холокост⁵, а выжившие получили глубокую психологическую травму.

Об источниках

В настоящем исследовании я в значительной степени следую подходу М. В. Ромашовой, утверждающей, что «следы» детей можно обнаружить в любом «взрослом» документе [Ромашова 2012], тем более – в мемуарах, оставленных взрослыми. Начиная с конца XX в. в результате роста популярности Holocaust studies было опубликовано и записано на аудио- и видеоносители огромное количество свидетельств людей, переживших Холокост. Среди них немало выходцев из присоединенных к СССР восточнопольских территорий. Конечно, такие эго-документы – это прежде всего воспоминания о событиях Холокоста, чему в подобных источниках уделяется основное внимание. Однако в этих документах нередко можно встретить воспоминания о 1939–1941 гг. – периоде, который в подавляющем большинстве случаев пришелся на время детства и юношества мемуаристов. Поэтому в ходе работы над настоящим исследованием я проанализировала 36 письменных воспоминаний и 40 записей видео- и аудиоинтервью с людьми, чьи детские и юношеские годы прошли в Западной Белоруссии⁶. Все мемуаристы – евреи, родившиеся в 1919–1932 гг. Безусловно, в процессе работы я учитывала, что использованные воспоминания – это продукт последующей рефлексии, взрослого переосмысления детства и юности. В отличие от детских текстов, которым присуща непосредственность, воспоминания взрослых куда менее искренни и, кроме того, содержат более поздние наслоения не только индивидуальной, но и коллективной памяти. Кроме того, после войны и Холокоста большая часть мемуаристов и респондентов, к воспоминаниям которых я обращалась при подготовке этой статьи, эмигрировали в США или Израиль. Исходя из своего последующего опыта жизни вне «социалистической системы», они пытались представить некоторые факты своей советской молодости как курьез. Наконец, нужно учитывать, что пережившие Холокост стали записывать свои воспоминания по большей части в конце 1980-х – в 1990-е. Большинство из очевидцев Холокоста были в весьма преклонном возрас-

1917 г, не разделяя их на так называемые Буржуазную/Февральскую и (Великую) Октябрьскую революции.

⁵ В общей сложности на территориях, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг., проживало 1 885 000 евреев, из которых 1 621 000 погибли во время Холокоста [Будницкий 2015, 214].

⁶ В ходе исследования я обращалась к источникам личного происхождения на английском, польском, белорусском и русском языках. Перевод цитат выполнен мной.

те, поэтому многие мемуары написаны в соавторстве – с журналистами, родственниками и даже другими очевидцами Холокоста. Это обстоятельство нельзя не учитывать при анализе такого рода источников⁷.

Детские тексты – наиболее репрезентативная группа источников по истории детей и юношества. Нельзя исключить возможность существования детских дневников и писем, написанных в бывшей Восточной Польше в 1939–1941 гг., однако в настоящий момент подобными источниками я не располагаю. Единственная известная мне группа детских эго-документов о жизни в Советском Союзе – это школьные сочинения, хранящиеся в коллекции свидетельств солдат Армии Андерса и членов их семей. Этот комплекс документов был собран в 1943–1944 гг. комиссией при Министерстве информации и документации польского правительства в изгнании и хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution and Peace)⁸. Он насчитывает около 30 000 свидетельств, в том числе более 2 500 детских сочинений. Однако этот уникальный источник не мог быть использован в настоящем исследовании, поскольку все «еврейские» свидетельства из коллекции Гувера представлены воспоминаниями польских беженцев, которым удалось покинуть территорию СССР в составе Армии Андерса. Еврейские дети-беженцы имели весьма травматичный опыт: они видели ужасы нацистской оккупации, вместе со взрослыми пережили опасности нелегального перехода германо-советской границы и претерпели все тяготы жизни в разоренном военными действиями и советскими преобразованиями регионе. Их история — тема отдельного исследования.

Повседневность детей и юношества в советизируемой Западной Белоруссии невозможно рассматривать в отрыве от мероприятий советской молодежной политики, поэтому в процессе работы я обращалась к официальным документам, касающимся реформирования системы образования, создания комсомольских и пионерских отрядов, а также проведения других нацеленных на молодежь мероприятий в новоприсоединенных областях. Эти документы хранятся в общесоюзных, республиканских и региональных партийных архивных фондах.

Ниже я рассматриваю жизнь западнобелорусской еврейской молодежи в трех основных измерениях советской детско-юношеской повседневности: учеба, членство в молодежных организациях, досуг. Однако начать необходимо с описания первой встречи еврейских детей и юношества с советской властью – со вступления Красной армии в Западную Белоруссию в сентябре 1939 г.

⁷ Подробнее о методологии устно-исторического подхода при изучении истории советского еврейства и Холокоста см.: [Walke 2015; Kangisser Cohen 2014; Veidlinger 2016].

⁸ К настоящему моменту на основе этих коллекций было издано три сборника документов: [Grudzińska-Gross, Gross 1981; Grynberg 1994; Siekierski, Tych 2006].

Встреча с Красной армией и отношение к установлению советской системы

Разумеется, далеко не для всех польских евреев вступление Красной армии означало установление «справедливого» советского режима. Тем не менее для абсолютного большинства восточнопольских евреев приход советской власти означал окончание военных действий и избавление от нацизма. Поэтому в сентябре 1939 г. еврейское население Западной Белоруссии *в общей* своей массе довольно доброжелательно встречало Красную армию. Как вспоминал Мойше Канторович, которому в 1939-м было шестнадцать, осенью 1939 г. настроение жителей его родного местечка Шершнев (современная Брестская обл.) было приподнятое, «особенно у молодежи» [Kantorowitz 2004, 164.]. Наиболее эмоционально реагировали дети. Чтобы привлечь симпатии местного населения, военное командование обязало красноармейцев раздавать местным жителям советские газеты, угощать сигаретами, а детей – конфетами. Вероятно, некоторые ребята получили угощения. Кроме того, иногда красноармейцы катали детей на танках [Cholawski 2005, 257], что вызывало у ребятни небывалый восторг. Кое-кто из местных жителей (вероятно, подростки) даже целовал советские танки. Двадцатилетний Арон Ларо, по воспоминаниям, старался вести себя сдержанно, в то время как его младший брат, не стесняясь, целовал советские танки [Laro, Aron. RG-50.233*0065. USHMM. Washington, D.C.]. Арон Дерман, которому в тот год было семнадцать, вспоминает: «Мы были детьми, и мы прыгали на танк во время его движения, и они [советские танкисты] вели себя очень дружелюбно» [Derman, Aron. RG-50.030*0299. USHMM. Washington, D.C.]. Итак, следуя указаниям верховного командования, красноармейцы стремились держаться с местным населением доброжелательно, завоевывая таким образом симпатии к советской власти в целом. Во многих воспоминаниях детей-очевидцев красноармейцы в сентябре 1939-го запечатлены как приветливые люди, охотно идущие на контакт с местным населением.

Отношение детей к процессу установления советской администрации, конечно, напрямую зависело от того, что об этом говорили их родители. Так, житель местечка Желудок (Гродненская обл.) Мирон Мордухович вспоминал: «Отец рассказывал мне о чудесной Советской стране, где все люди равны, нет бедных и богатых, всеобщая справедливость и дружба между народами. <...> В нашей семье говорили о великом счастье некоторых знакомых, которым удалось перемахнуть через границу и перебраться в Россию (sic!)» [Мордухович 2013, 289]. Местечковому еврейскому мальчику Мирону Мордуховичу вступление Красной армии казалось воплощением в жизнь рассказанных отцом историй о чудо-стране.

Мнение юношества в меньшей степени зависело от суждений родителей. Еврейская молодежь не имела опыта жизни в послереволюционной России, но была хорошо осведомлена о дискриминационной националь-

ной политике правительства межвоенной Польши, поэтому взгляды на общественно-политический строй СССР у многих молодых евреев были сильно романтизированы.

Камиль Киек, характеризуя феномен польской еврейской молодежи, воспитанной общественно-политическим строем межвоенной Польши, назвал это поколение “*dzieci modernizmu*” («дети модерна») [Kijek 2017]. Исследователь определил политику польского правительства в отношении еврейской молодежи термином «формальная ассимиляция», подчеркивая ее условный характер, – государство предоставляло евреям всеобщее школьное секулярное образование, но лишало их всяких возможностей дальнейшего социального развития. Следовательно, желание очень многих молодых евреев получить высшее образование и реализовать себя (в том числе на государственной службе) подавлялось, что в свою очередь способствовало радикализации политических взглядов этой этносоциальной категории населения. Не имея возможностей социальной реализации в своей стране, но горячо этого желая, они были склонны видеть в СССР образец справедливого государственного строя.

В целом еврейская молодежь сравнительно легко поддавалась советской пропаганде, распространяемой в восточнопольских воеводствах до 1939 г. Пример этого – судьба Рахиль Марголис: в конце 1930-х она вступила в подпольную комсомольскую организацию в своем городе, хотя отец Рахиль запрещал ей ходить на собрания комсомола и «лезть в политику» [Марголис 2006, 176], в сентябре 1939 г. семья Марголис весьма скептически отнеслась к установлению советской власти, но ей самой, семнадцатилетней комсомольской активистке, советские солдаты казались «умными, прекрасными, замечательными» [Марголис 2006, 165]. «Сердце, – вспоминает она, – разрывалось от счастья – вот она, армия рабочего класса, страны победившего социализма» [Марголис 2006, 165]. Восторг от встречи с дружелюбными красноармейцами разделяли не только подпольные коммунисты и комсомольцы. Многие еврейские молодые люди на волне энтузиазма отказывались воспринимать все-речь предостережения родителей о несовершенстве советской системы. Рахиль Сутина, в сентябре 1939 г. наблюдая за красноармейцами, которые приветливо махали, двигаясь колонной по улицам местечка Мир, усомнилась в материнской критике Советского Союза: «Я подумала про себя: “Что она такое говорит? Русские (sic!) солдаты кажутся такими добрыми!”» [Sutin 1995, 24].

За вступлением советских войск последовала политическая интеграция. В короткий революционный период в сентябре 1939 г. все польские административные структуры были ликвидированы, вместо них создавались советские. До ноября 1939 г. в Западной Белоруссии работали временные органы советской власти – Временные управления и рабочие гвардии (другое название – «народная милиция»). Осенью 1939 г., в начальный

период организации советской власти, новая администрация сильно нуждалась в выдвиженцах, поэтому во Временные управления и рабочую гвардию принимали всех желающих из числа местного населения.

Польские евреи, в общей своей массе образованная, урбанизованная и активная этническая группа, впервые получившая возможность беспрепятственно занимать должности в системе управления, приняли активное участие в работе городских и местечковых временных органов власти⁹. Среди них было особенно много еврейских «детей модерна». Елизар Х., которому в то время было пятнадцать, отмечал, что еврейская молодежь вступала в ряды рабочей гвардии очень активно [Grudzińska-Gross, Gross 1981, 224]. Косвенно это подтверждают советские официальные документы. Например, отчетный доклад Первого секретаря ЦК Компартии БССР П. К. Пономаренко о его визите в Западную Белоруссию осенью 1939 г.: «Мы приехали в Новогрудок, видим, что банк охраняет паренек – еврей лет 19-ти...» [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 14567. Л. 19]. Среди молодых еврейских выдвиженцев были не только юноши и девушки с коммунистическими убеждениями, но и бундовцы, и левые сионисты. Бывший член левого крыла партии «Поалей Цион» девятнадцатилетний Саул Маньский, предварительно закопав в жестяной банке свое сионистское знамя, по приглашению друга вступил в городскую рабочую гвардию [Manski 1990, 30].

Должность в рабочей гвардии и, тем более, во Временном управлении обеспечивала повышение социального статуса и предоставляла множество материальных выгод. Кроме этого, евреями-выдвиженцами, очевидно, двигало стремление защитить себя и своих родных от антисемитских погромов, которые были весьма вероятны в условиях безвластия и порожденного им социального хаоса. Таким образом, осенью 1939 г. госслужба давала не только высокий статус, но и чувство защищенности.

Если в воспоминаниях очевидцев, юность которых пришлась на 1939–1941 гг., нередко упоминается участие в работе временных органов власти, то в воспоминаниях евреев, рожденных после 1923 г., встречаются свидетельства об участии во временных органах власти их родителей. Например, осенью 1939 г. вышеупомянутый Мирон Мордухович наблюдал своего отца патрулирующим местечко «с большим карабином, правда, без патронов» (отец Мордуховича, как и Саул Маньский, до сентября 1939 г. был левым сионистом, а в сентябре вступил в органы Временного управления) [Мордухович 2013, 295]. В это же время в Несвиже отец девя-

⁹ Об этом упоминается во многих мемуарах. Например, бывший житель местечка Эйшишки А. Авиель вспоминал, что рабочая гвардия его города была сформирована преимущественно из евреев [Aviel 2006, 57].

Упоминания об этом находим также в воспоминаниях поляков и белорусов, см.: [Grudzińska-Gross, Gross 1981, 155; Раманава, Махоўская 2009, 91–92].

тилетнего Мойше Кутца, бывший лесной брокер и активный член местной еврейской общины, тоже вступил в рабочую гвардию, «потому что хотел навести порядок» [Kutz 2013, 15]. Что все эти изменения означали для еврейской детворы? Можно предположить, что им, в прежние годы нередко страдавшим от антисемитских нападок сверстников-христиан, такая ситуация давала уверенность в своем положении и ощущение безопасности. Бывшая жительница местечка Опшяны Леах Зингер (в 1939-м ей было тринадцать лет) вспоминала: «...то, на что еврейские дети обратили внимание в первую очередь на начальном периоде советской оккупации (sic!), было исчезновение антисемитских нападений. Не было больше ни обидных названий, ни камней» [Fisher-Lee 2009, 10].

Таким образом, на короткое время местные евреи, по выражению мемуариста М. Мордуховича, «стали хозяевами положения...» [Мордухович 2013, 297]¹⁰. Однако ситуация стремительно менялась. В ноябре 1939 г. в присоединенном регионе временные органы советской власти заменят постоянными – обкомами, райкомами и горкомами. Основными кадрами в них станут командированные специально с этой целью надежные советские граждане (так называемые «восточники»). Вслед за этим начнется тяжелый процесс унификации нового западного пограничья с остальными советскими областями. Эта политика советизации напрямую затронет еврейскую молодежь – как в школе, так и вне ее.

1. В советской школе

До сентября 1939 г. система образования в межвоенной Польше включала три ступени: школа; гимназия или лицей; университет. В гимназиях, лицеях и университетах существовало ограничение на прием еврей-

¹⁰ Феликс Зандман, которому в 1939-м было двенадцать лет, о событиях осени того года вспоминал: «...папа, который был социалистом, радовался вступлению Красной армии <...>, он был полон энтузиазма, таскал меня на все митинги и встречи с красноармейцами. Папа верил, что война окончена, причем окончена самым благоприятным образом для евреев. Он повторял: “Все прекрасные вещи, которые мы годами слышали по “Радио Москва” скоро воплотятся в жизнь”. Однажды отец пришел домой удрученным. Он сказал: “Все это большая ложь. Выкинь из головы все то, что я тебе говорил, раньше. Прости меня”. Но тогда я не понимал, что могло так разочаровать моего отца. Фактически многие из тех преобразований, которые происходили в Гродно, казались переменами к лучшему. Самое прекрасное было то, что Советы запретили всякие проявления антисемитизма, который раньше был частью нашей жизни. Многие местные евреи были коммунистами или социалистами, все они моментально получили ответственные посты. Никогда раньше не было такого, чтобы еврей был судьей или майором. Никто даже об этом не мечтал. Но сейчас это стало реальностью» [Zandman, Chanoff 1995, 28–29].

ев, поэтому из всех учебных заведений с обучением на польском языке в полном смысле доступными для еврейской молодежи были только начальные школы. Но еврейские дети могли получить образование не только в польскоязычных государственных учреждениях. Параллельно с ними существовали еврейские школы с обучением на идише и иврите. Причем эти учебные заведения могли быть как государственными (так называемые семилетние «шабасувки»), так и частными (еврейские школы и гимназии¹¹, существовавшие за счет еврейских общественных организаций и платы за обучение). Типы негосударственных еврейских школ были весьма разнообразны: с обучением на иврите и на идише, религиозные (хедеры, иешивы) и секулярные; «просионистские» и «пробундистские» и т.д.¹² Таким образом понятно, что 1939 г. у еврейских детей мог быть весьма различный образовательный бэкграунд.

После установления советской власти в бывшей Восточной Польше еврейское (и не только) образование претерпело кардинальные изменения, направленные на унификацию и централизацию системы обучения и воспитания. Во-первых, была введена советская школьная система: начальные школы (1–4 классы), неполные средние (1–7) и средние (1–10). Во-вторых, все частные учебные заведения стали государственными, а раздельное обучение девочек и мальчиков отменялось. В-третьих, начальное образование было объявлено всеобщим, обязательным и бесплатным¹³. В-четвертых, преподавание теперь велось по утвержденным

¹¹ Образование, полученное в еврейских гимназиях, не признавалось польскими высшими учебными заведениями. Для того, чтобы поступить в польский университет, выпускнику еврейской гимназии следовало еще два года учиться в польской гимназии. Другим (и весьма распространенным) способом получения высшего образования для еврейской молодежи было поступление в западноевропейские университеты.

¹² В межвоенные годы в Польше работало сразу несколько образовательных сообществ, которые открыли и содержали свои ясли, начальные школы, гимназии, а иногда даже педагогические училища. Самые известные из них – Tarbut (просионистская организация, популяризовавшая образование на иврите), Tsisho (пробундистское сообщество, предлагавшее идишеязычное образование), Norev (организация, открывшая сеть религиозных школ), Tachkemoni (сообщество, руководившее религиозными школами типа Талмуд-Тора и педагогическими училищами), Schul Kult (эта организация открыла ряд идишеязычных учебных заведений сионистской направленности) и многие другие.

¹³ В октябре 1940 г. СНК СССР принял постановление № 637 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий» (отменено только в 1956 г.) (см.: Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940. № 27. С. 910–911). Согласно этому документу, стоимость обучения в старших классах школы (с 8 по 10 кл.) составляла 200 руб. в год, а после поправок, внесенных в ноябре 1940 г., – 100 руб. (для сравнения: в некоторых институтах плата за обучение составляла до 500 руб.

Наркоматом образования Белоруссии программам, согласно которым изучение русского и белорусского языков, как и везде в БССР, стало обязательным. В-пятых, все школы с преподаванием на иврите¹⁴ были преобразованы в идише- или русскоязычные учебные заведения, а еврейские школы с обучением на идише утратили свою автономию и были встроены в иерархию советских начальных / неполных средних / средних школ. Официально полный переход на советские образовательные программы и планы произошел 15 января 1940 г.

Политика СССР в отношении польского еврейства едва ли не целиком копировала почти свернутую к тому времени политику 1920-х гг. в отношении советских евреев¹⁵. В частности, в 1939–1941 гг. на присоединенных территориях создавались те государственные учебные заведения, от которых отказывались в «старых» областях Советского Союза, – школы с обучением на языках национальных меньшинств¹⁶. В то время как на востоке БССР к 1938–1939 учебному году были закрыты последние еврейские школы, осенью 1939 г. в Западной Белоруссии было создано множество начальных и неполных средних школ с обучением на идише¹⁷.

Впрочем, к тому моменту в Советском Союзе уже не существовало ни одного идишеязычного высшего учебного заведения¹⁸, не было и училищ, за исключением еврейского отделения при педагогическом техникуме Биробиджана (в 1939–1940 гг. на отделении обучалось 35 студентов [Котлерман 2009]). Следовательно, образование на идише было фактически бесперспективным. Поэтому, когда осенью 1939 г. в ходе перепрофилирования многих учебных заведений на школьных собраниях родителям,

в год). За обучение в начальных школах плата не взималась, однако ошибочно полагать, что в период с 1940 по 1956 гг. советское образование было полностью бесплатным.

¹⁴ В начале XX в. иврит был тесно связан с религией и идеологией сионизма. И против одного, и против другого советская власть вела решительную борьбу, поэтому иврит и вся связанная с ним культура (включая обучение на иврите) были запрещены в СССР еще в 1918 г.

¹⁵ Исключение представлял Биробиджан. Однако и там в конце 1930-х гг. наблюдался стремительный спад в развитии еврейской национальной культуры, что, в частности, проявилось в сокращении количества еврейских школ. См: Котлерман 2009.

¹⁶ Это делалось из прагматических соображений: многие местные польские, еврейские, белорусские, литовские дети просто не могли учиться в русскоязычных учебных заведениях из-за незнания русского языка.

¹⁷ В том числе за счет перевода ивритоязычных школ в идишеязычные. О том, насколько было непривычно ученикам ивритоязычных гимназий переходить к обучению на идише, пишут многие мемуаристы. Например, Фаня Соломян-Лок, которая в те годы преподавала в бывшей гимназии «Тарбут» в Пинске, вспоминала: «...мало кто воспринимал идиш как язык науки. <...> Мои уроки сопровождалась взрывами смеха» [Solomian-Loc 1981, 45].

¹⁸ Последним закрылось еврейское отделение Московского пединститута в 1939 г.

чьи дети ранее обучались в ивритоязычных школах, было предложено выбрать язык обучения для их детей (идиш или русский), выбор еврейских родителей нередко был не в пользу идиша¹⁹. Таким образом, немало еврейских школ в 1939–1941 гг. перешли с идиша на русский язык именно по желанию родителей²⁰.

Имели место случаи, когда еврейские родители по личной инициативе переводили своих детей в новые русские школы, открывшиеся в большом количестве в Западной Белоруссии. Расчет понятен – знание русского языка давало возможность продолжить обучение. Двадцатилетняя Фаня Шульман вместе с сестрой записалась в вечернюю школу, чтобы выучить русский язык. Впоследствии свое стремление знать русский Фаня объясняла так: «Мы знали, что это будет полезно для нашей работы» [Schulman 1995, 52]. Вероятно, в 1939–1941 гг. в Западной Белоруссии с ней были солидарны многие молодые евреи и их родители.

Перемены в школьной системе коснулись не только формы обучения, но и его содержания. Исчезли такие прежде обязательные к изучению даже в частных еврейских школах предметы, как польский язык и литература, история и география Польского государства. Вместо «гимнастики» появился урок «физической культуры». Фане Соломян, которая в те годы преподавала физкультуру в еврейской школе г. Пинска, пришлось учить еврейских детей кататься на лыжах²¹. По прошествии многих лет она комментировала это так: «Это был[а] своего рода революция в Пинске: евреи на лыжах» [Solomian-Loc 1981, 45]. Новая советская школа теперь насаждала молодому поколению атеизм. Кроме того, комсорги и пионервожатые регулярно инструктировали молодых людей, рассказывая о советских ценностях и нормах поведения. Мойше Кутцу запомнилось, что в те годы его, девятилетнего мальчишку, больше всего восхищали рассказы пионервожатых об «отце народов» товарище Сталине, но пугали предостережения о засилье «врагов», угрожающих советской отчизне [Kutz 2013, 17]. Дети чутко воспринимали новые идеологические установки.

¹⁹ Такая ситуация наблюдалась не только на бывших польских территориях, но и по всему СССР – многие советские родители рассматривали обучение в национальных школах как бесперспективное.

²⁰ В Западной Белоруссии на протяжении 1939–1941 гг. количество школ с преподаванием на идише сильно сократилось. 14 февраля 1940 г. из общего числа общеобразовательных школ (их было 5071) на идише обучение велось в 197 (4%), но к маю 1941 г. их количество сократилось до 134 (2,3%) [см. подсчеты в: Levin 1995, 94].

²¹ После неудач Красной армии в Финской военной кампании 1939–1940 гг., когда выяснилось, что среди красноармейцев почти никто не умеет ездить на лыжах, да и лыж в СССР производится крайне мало, в стране началась массовая пропаганда лыжных видов спорта.

В 1939–1941 гг. многие еврейские юноши и девушки из присоединенных областей стремились воспользоваться впервые доступной возможностью на равных со всеми условиях получить среднее специальное или высшее образование. Так, выходец из небогатой еврейской семьи г. Слонима восемнадцатилетний Арон Дерман в 1940 г. смог получить престижную в те годы специальность киномеханика [Derman, Aron. RG-50.030*0299. USHMM. Washington, D.C.]. В том же году семнадцатилетний Ноах Ройтман приехал из Барановичей в Лиду, чтобы учиться на пилота [Roitman, Noah. RG-50.106*0115. USHMM. Washington, D.C.]. В Лиде в это же время девятнадцатилетний Яков Ахренс работал на фабрике и параллельно готовился к поступлению во Львовский политехнический институт [Ahrens, Jack. RG-50.030*0311. USHMM. Washington, D.C.]. Доступность обучения в институтах крупных советских городов давала еврейской молодежи долгожданное ощущение безграничных социальных возможностей. Молодые люди из западных областей нередко стремились продолжить образование в вузах Белостока, Львова и Минска²², наиболее амбициозные хотели попытаться счастья в Москве, Ленинграде и других городах «старых» советских областей²³. Так, Соня Ошман, восемнадцатилетняя жительница западнобелорусского Новогрудка, в 1940 г. поступила на учебу в Смоленский медицинский университет [Oshman, Sonya. RG-50.002*0021. USHMM. Washington, D.C.]. Уроженка Белостока Э. Гессен в 1940 г. была зачислена на литературный факультет ИФЛИ²⁴ [Гессен 2014, 56]. В сопоставлении с представителями других этнических групп присоединенного региона доля еврейских юношей и девушек, которые в 1939–1941 гг. смогли продолжить обучение в крупных советских вузах, была довольно велика. Весьма показательно, что первый набор студентов открытого в 1939 г. Белостокского педагогического института был почти полностью «еврейским» – из 275 студентов евреев было 210²⁵ [Yad Vashem archive, RG-M.41*3100. Л. 1].

²² Для того, чтобы поехать поступать в вуз, находящийся за пределами пяти западных областей БССР, молодым людям необходимо было получить в паспортном столе разрешение на выезд. Нередкими были случаи, когда без объяснения причин заявителям отказывали в разрешении на выезд (как произошло, например, с жителем г. Барановичи Хаймом Миrowsким, который после окончания средней школы хотел поступить в институт в Минске, но не получил выездной визы [Зональный государственный архив г. Барановичи, Ф. 162. Оп. 2. Д. 317. Л. 3]).

²³ Выходцам из присоединенного региона поступить в высшие учебные заведения РСФСР было особенно трудно: нужно было хорошо сдать вступительный экзамен по русскому языку, который к этому времени они еще не успели освоить должным образом.

²⁴ ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории, работал в 1931–1941 гг. в Москве. В 1941 г. включен в состав МГУ. Э. Гессен упоминала, что одновременно с ней в ИФЛИ учились еще три еврейки из Белостока.

²⁵ 210 евреев, 29 белорусов, 28 поляков, 3 русских и 5 представителей других национальностей.

Советская система образования привлекала еврейское население отсутствием дискриминации в обучении. В своих воспоминаниях Хася Борнштейн-Белицка писала об образовательных возможностях, которые были открыты советской властью для нее и тысяч еврейских детей из небогатых семей: «Наши возможности в получении образования [при советском режиме] стали намного больше того, о чем мы могли мечтать, живя в Польше. И каждый старался учиться» [Izhar 2009, 92]. Сама Хася, страстно стремившаяся получить высшее образование, в тот период была глубоко благодарна партии за такую возможность: ее, еврейского ребенка из семьи со средним достатком, приняли в государственную старшую школу, что в будущем давало ей шанс поступить в университет. По этому поводу Дон Фельсон, в те годы четырнадцатилетний житель м. Глубокое, вспоминал: «Русская (sic!) система принесла нам множество проблем <...>, но в то же время появилось немало возможностей для молодежи, мы, молодые люди, теперь могли [беспрепятственно] и бесплатно²⁶ получать образование и работу, а нам это было так необходимо». И далее: «Хотя мои родители потеряли свой бизнес, они все же чувствовали, что в Советском Союзе у их детей есть будущее» [Felson, Don. RG-50.477*0552. USHMM. Washington, D.C.]. Можно предположить, что большинство еврейских родителей прекрасно понимали ценность тех социальных возможностей, которые открылись для их детей.

2. Еврейские пионеры и комсомольцы

Силами советской власти в 1939 г. ВЛКСМ из сообщества молодых активистов был превращен в массовую организацию советской молодежи [Бернштейн 2018, 166–177]²⁷. Главной целью комсомола теперь стало воспитание молодых людей в духе советского патриотизма. Таким образом, накануне войны молодежные организации стали, наравне со школой, ключевым инструментом моральной советизации детей и юношества. Поэтому неудивительно, что правительство БССР как можно скорее приступило к организации комсомольских ячеек в новых западных обла-

²⁶ Очевидно, речь идет о неполном среднем школьном образовании, получивший такое образование человек в то время считался имеющим достаточно высокий уровень грамотности.

²⁷ В 1938 г. впервые были приняты широкомасштабные, иногда принудительные, меры приема молодежи в комсомол. Кроме того, участие в комсомольской организации стало обязательным условием для доступа к престижному образованию и продвижению по карьерной лестнице. В результате в период 1938–1939 гг. в ВЛКСМ вступило 3 млн человек, большинство из которых были младше 18 лет. В 1940 г. в комсомоле состояло более 40% всей молодежи Советского Союза. Подробнее см.: Бернштейн 2018, 166–177.

стях. Уже 25 сентября 1939 г. П. К. Пономаренко информировал И. В. Сталина о том, что подготовка к началу работы комсомольцев в Западной Белоруссии идет полным ходом, и спрашивал, когда направлять туда комсомольский актив. В итоге в течение недели из Минска в западные области было направлено 400 членов ЛКСМБ²⁸ [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 14623. Л. 210]. К маю 1940 г. это число возросло до 7 000 человек [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 15137. Л. 25].

Республиканское правительство, желая как можно быстрее советизировать молодежь нового западного пограничья, требовала от командированного туда актива быстрого и массового вовлечения местных молодых людей в работу ЛКСМБ. Это нередко приводило к разным казусам. Например, в марте 1940 г. в Воложинском районе (Западная Белоруссия) комсомольцы из восточных областей БССР провели среди местечковой молодежи собрание, на котором организовали голосование с вопросом «Кто за комсомол?». Всех проголосовавших «за» вынудили написать заявления с просьбой о вступлении в ЛКСМБ. Как сказано в докладной, этими действиями напористые комсомольцы «наделали шумихи и усилили антисоветские настроения; в местечке пошла слухи, что новоявленных комсомольцев будут насильственно посылать на принудительные работы» [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 15137. Л. 34]. В партийных документах такой «огульный подход» яростно критиковался, регулярно повторялось, что нельзя принимать в ЛКСМБ и пионеротряды всех подряд без проверки личности, ведь таким образом в ряды названных организаций проникают реакционные элементы. Например, бывшие сионисты и бундовцы.

Членство в комсомольских и пионерских организациях впервые давало еврейской молодежи присоединенных областей возможность на равных участвовать в общественно-культурной жизни региона. Более того, в это время в СССР любая вертикальная социальная мобильность была возможна только при наличии комсомольского билета, поэтому еврейские дети и юноши присоединенного региона достаточно охотно становились и пионерами, и комсомольцами.

В 1940 г. шестнадцатилетняя жительница г. Пружаны Роза Герасимова вступила в комсомол. Спустя годы мотивы этого поступка она объяснила так: «Да что мы понимали тогда в комсомоле! Нас пригласили. Сказали: “Вот Вы будете комсомолкой, иди, Вас райком утвердит”. Были же гарцежи²⁹ при Польше <...>. Так нас же не брали в гарцежи, только поляков брали. Так мы уже пошли в комсомол. Ну что мы там?.. Единственное, мы собирались. Организовывали песни, танцы и так дальше»

²⁸ ЛКСМБ – Ленинский коммунистический союз молодежи Белоруссии.

²⁹ Związek Harcerstwa Polskiego, ZHP (Союз польских харцеров, иначе – гарцеров, гарцежей) – польская молодежная скаутская организация патриотической направленности.

[Gerasimova, Roza Abramovna. RG-50.378*0004. USHMM. Washington, D.C.]. Действительно, одним из главных направлений работы комсомольских ячеек и пионерских отрядов была организация различных культурных мероприятий³⁰. Таким образом, и во внеурочное время дети и юношество присоединенного региона были активно вовлечены в советские общественно-массовые мероприятия. Самодеятельность, подготовка стенгазет, участие в соревнованиях и многое другое – все это создавало чувство общности в среде новоявленной советской молодежи и способствовало ее моральной советизации. Так, Яков Каган, бывший житель г. Новогрудок, следующим образом изложил интервьюеру мотивы своего вступления в пионеры: «Я хотел стать пионером, потому что мои друзья были пионерами». И далее чуть подробнее объяснил специфику сложившейся ситуации: «Если в классе было, например, 30 человек, и пять из них не являлись пионерами, потому что их не приняли, это была очень незавидная ситуация для этих пяти. Потому что после уроков будут мероприятия, и все приглашены, кроме них» [Kagan, Jack. RG-50.149*0022. USHMM. Washington, D.C.]. Таким образом, у молодых людей могло отсутствовать понимание идеологической сути пионерии и комсомола, но было осознание того, что, во-первых, участие в этих организациях дает новые социальные возможности, и, во-вторых, это весело. Яркой иллюстрацией детского восприятия общественной жизни являются воспоминания Берла (Бернарда) Шустера: «...[моя] жизнь при советской оккупации была лучше, чем жизнь в довоенной Польше. <...> Неожиданно я расцвел, став одним из лучших учеников. Это позволило мне вступить в пионеры. Вскоре я был избран председателем пионерской ячейки нашей школы. В возрасте 11 лет я неожиданно стал лидером девочек и мальчиков, с гордостью носящих красный галстук и пионерский значок» [Shuster 1996, 22]. Используемые в этом исследовании источники позволяют предположить, что подобные истории были нередки среди еврейских детей и юношества³¹. Для многих (если не для всех) еврейских «детей модерна» участие в работе молодежных организаций было не просто возможностью первичной социализации в новом для них советском обществе. Комсомол и пионерия открывали им невиданные ранее социальные возможности. Причем под возможностями нужно понимать не только социальную мобильность – из воспоминаний Сары Лев: «[в те годы] я познакомилась с очень симпатичным молодым парнем, лет 18–19-ти.

³⁰ В 1939 г. советская власть воспринимала праздность и скуку как важный фактор, способствующий деморализации молодых людей [см.: Бернштейн 2018, 168].

³¹ Чего, однако, нельзя сказать о польских детях, которые, как и их родители, в подавляющем большинстве были настроены антисоветски. Так, Леах Зингер вспоминала: несмотря на то, что ученикам ее школы было велено постоянно носить красные галстуки, польские дети «открыто бойкотировали это правило» [Fisher-Lee 2009, 11].

Мы начали встречаться. Но поскольку моя семья была очень религиозной, я не могла приглашать его к себе домой, тогда мы стали видеться в парке и на собраниях комсомола» [Lew. RG-02.202. USHMM. Washington, D.C. P. 56]. Участие в работе пионерских и комсомольских организаций, помимо всего прочего, модернизировало еврейскую молодежь, прививая ей секулярные модели поведения.

3. Досуг

Разумеется, советские развлекательные мероприятия были весьма идеологизированы, тем не менее они пользовались большой популярностью среди местной молодежи. Бывшая жительница г. Лиды Лиза Эттингер отмечала, что единственным успешным способом советской пропаганды были танцы и театральные представления, фильмы, хоры и оркестры: «...толпы с энтузиазмом посещали эти представления, которые были бесплатными...» [Ettinger. RG-02.133. USHMM. Washington, D.C., 3]. Действительно, упоминания о посещении кружков и секций, победе в спортивных соревнованиях, участии в школьных спектаклях, походах в кино и на танцы достаточно часты в воспоминаниях о том времени. Так, многие молодые люди в западных областях БССР оказались вовлечены в занятия спортом. Двадцатилетний Гирш Басс в это время успешно занимался легкой атлетикой. По его словам, в 1939–1941 гг. каждый начал заниматься каким-нибудь видом спорта, ведь «в Советском Союзе спортивный вопрос имел большое значение» [Bass, Herry. RG-50.233*0005. USHMM. Washington, D.C.]. Еврейский юноша Яша Сутин из г. Столбцы в свою очередь увлекся шахматами и даже занял первое место в городском молодежном шахматном турнире. Яшу наградили сувенирным набором шахмат [Sutin 1995, 27].

Большой популярностью пользовались кинопоказы. В середине 1940 г. в одной только Белостокской области насчитывалось 23 кинотеатра, из которых в г. Гродно работали четыре [Сляпыньскі 2014, 380–395.]. Жившая в Гродно четырнадцатилетняя Хася Борнштейн-Белицка очень любила ходить в кино вместе с друзьями, они смотрели фильмы о патриотах, героях революции и стахановцах. Действие кинокартин невероятно увлекало молодую девушку и ее товарищей: «Мы отождествляли себя с тем, что видели на экранах. Это соответствовало нашим мечтам и тому миру, который мы хотели построить» [Izhar 2009, 92].

После сентября 1939 г. в советизируемой Западной Белоруссии резко возросло количество домов культуры, клубов и танцевальных площадок. Последние были открыты даже на предприятиях. Уже упомянутый Гирш Басс, работая в столовой белостокского текстильного завода, после окончания своей смены с удовольствием посещал оборудованную прямо

в помещении цеха танцплощадку [Bass, Herry. RG-50.233*0005. USHMM. Washington, D.C.]. Несмотря на то, что официально религия не была запрещена, достаточно распространенной практикой стало переоборудование религиозных зданий в клубы и дома культуры³². Организуя танцевальный клуб в национализированном здании синагоги на рыночной площади г. Несвижа, городская администрация объясняла еврейской общественности свои мотивы следующим образом: «Этого желает ваша еврейская молодежь» [Levin 1995, 157]. Скорее всего, многие еврейские юноши и девушки действительно одобряли подобные перемены. Когда хоральная синагога м. Желудок была преобразована в Дом культуры Красной армии³³, то, согласно воспоминаниям местного жителя Мирона Мордуховича, «атеисты и молодежь встретили это благосклонно» [Мордухович 2013, 299].

На протяжении 1939–1941 гг. молодые люди постепенно отходили от традиционных ценностей, которые у евреев были тесно связаны с религиозными практиками. Это было результатом не столько массивной антирелигиозной пропаганды, сколько негласного социального порядка, при котором соблюдение религиозных обрядов считалось признаком «антисоветских» настроений и зачастую лишало всякой возможности карьерного роста. В итоге значительная доля молодых евреев со временем вовсе прекращала соблюдение религиозных норм, как это сделала Фаня Хейфец, которая, будучи в те годы восемнадцатилетней жительницей г. Ляхва Белостокской области, «мало-помалу прекратила соблюдать религиозные предписания» [Heifetz, Fania. RG-50.929*0002. USHMM. Washington, D.C.].

Одновременно с описанным многообразием развлечений в жизни населения региона было множество невзгод: экспроприация частной собственности, резкое падение материального благосостояния, преследования и выселки «новых врагов» режима и т.п. Но, вероятно, молодые люди придавали мало значения возникшим в это время экономическим и социальным проблемам. Жительница м. Ошмяны, которой в 1939 г. было тринадцать лет, Леа Зингер свое советское детство вспоминала следующим образом: «В конце концов мы, дети, привыкли к галстукам. Нам <...> показывали концерты, спектакти, гимнастические представления и устраивали для нас прогулки на лыжах через весь город зимой. Советы

³² Таким образом проходило замещение религиозных центров советскими. В целом практика использования зданий синагог в качестве клубов, складов и артелей существовала в БССР еще в 1920–1930-е гг. Так, в хоральной синагоге Минска в 1923 г. был открыт клуб [подробнее см.: Бемпорад 2016, 151–158]. Это же касалось и религиозных зданий иных конфессий.

³³ В настоящее время клуб городского поселка Желудок (Щучинский район, Гродненская область) все еще находится в здании бывшей хоральной синагоги, хотя фасад его перестроен.

очень старались покорить сердца и умы молодежи. <...> Пока взрослые решали свои проблемы, мы, дети, наслаждались школьной жизнью и разнообразием развлекательных событий в городе» [Fisher-Lee 2009, 11]. На амбивалентность положения еврейской молодежи также указывают воспоминания Феликса Зандмана: «... для меня, двенадцатилетнего мальчишки, советская власть означала отсутствие всяких погромов <...>. Я чувствовал себя свободным, как птица. Я занимался теми же вещами, что и до войны, и даже больше, потому что Советы любили организовывать различную молодежную активность. Я ходил в школу, <...> играл в оркестре, участвовал в олимпиадах, занимался не только игрой на виолончели, как прежде, но еще и на аккордеоне. Советские молодежные лидеры проводили занятия по катанию на лыжах и открыли для молодых людей кружки военной подготовки. Наши родители, должно быть, очень волновались о будущем. <...> Но многие из нас в это время сполна наслаждались жизнью» [Zandman, Chanoff 1995, 29]. В означенные годы в большинстве своем советизируемая еврейская молодежь постепенно принимала новые нормы³⁴, без оглядки на растущие экономические проблемы и социальные трудности.

В 1939–1941 гг. (пере)воспитание молодого поколения стало одной из ключевых задач политики советизации в Западной Белоруссии. Этому служили как сильно реформированное школьное образование, так и насаждение советской массовой культуры. Судя по материалам проанализированных эго-документов, среди еврейского юношества эта политика имела внушительный успех. На первый взгляд, этот феномен легко объяснить тем, что в ситуации кардинальных перемен детям всегда легче перестроиться, потому что их укорененность в прошлом (в том числе в традициях, культуре) не настолько глубока, как у их родителей. Однако в случае польского еврейства этого объяснения не вполне достаточно.

Ю. Слезкин, говоря о значении Русской революции для евреев Российской империи, назвал ее «храмом юности»: еврейская молодежь стала наиболее ревностным адептом революции, потому что победа обещала молодым представителям дискредитируемого этнического меньшинства невиданные ранее социальные возможности [Слезкин 2019, 190]. Советские преобразования, которым в 1939–1941 гг. подверглось население бывшей Восточной Польши, были столь кардинальны, что Я. Т. Гросс определил их как «революцию из-за границы» [Gross 2003]. Таким образом, то, что происходило в означенные годы на присоединенной к СССР

³⁴ Согласно воспоминаниям Давида Ласкина, который в 1939 г. был школьником и жил в западнобелорусском еврейском местечке Воложин, «молодые евреи, а также еврейский “пролетариат” были искренне рады тем переменам, которые принесла советская власть» [Laskin 2013, 229].

польской территории с некоторыми оговорками можно назвать социальной революцией. В межвоенные годы многие польские евреи, особенно молодежь, видели в СССР эталон справедливого общества. Поддаваясь советской пропаганде, еврейские молодые люди находили в социалистическом государстве то, чего им не хватало в Польше, – эмансипацию и социальную защищенность. Советская власть в 1939 г. не принесла на эти земли благоденствие, однако надежды многих евреев, особенно наиболее молодых и амбициозных, на эмансипацию и защищенность действительно оправдались. Таким образом, для польских евреев «революция из-за границы», подобно Русской революции 1917 г., тоже стала «храмом юности». На это, в частности, указывает участие еврейской молодежи во временных органах советской власти, в комсомоле и пионерских отрядах. Для польского еврейства одним из важных последствий этой «революции» было то, что евреев стали воспринимать не как представителей этнического меньшинства, а как советских граждан. Наслаждаясь своим равенством, евреи наконец почувствовали себя как все. В частности, рассмотренные в этой статье советское образование и массовые развлечения привлекали еврейскую молодежь главным образом потому, что были общедоступны, ни национальность, ни уровень достатка значения не имели.

В «старых» советских областях период 1939–1941 гг. – это время недолгой «оттепели» в череде репрессий. Чего нельзя сказать о новоприсоединенных территориях: более 50% всех арестов в 1940 г. по СССР пришлось на советизируемое западное пограничье [Горланов, Рогинский 1997]. Период 1929–1945 гг. в СССР с некоторой долей цинизма можно обозначить как непрерывное время кризиса, которое, однако, предоставляло лояльным молодым людям широкие социальные возможности. Схожая ситуация имела место в Западной Белоруссии и Западной Украине в рассматриваемый период: раскачивая маятник репрессий, советская власть, тем не менее, давала дорогу молодым, невзирая на их национальную принадлежность. В это суровое время «между сталинизмом и войной» многие еврейские молодые люди стремились найти (и находили) свое «место под солнцем».

За невиданные ранее социальные перспективы расплачивались их родители. В 1939–1941 гг. они несли на своих плечах каждодневные заботы, сопряженные с поиском работы, добычей продовольствия и угрозой советских репрессий. Утратившие свое имущество в ходе национализации, профессию – в результате инспирированных новой властью «чисток», религию и традиции – в итоге советских социальных преобразований, старшее поколение польских евреев было подобно отцу героя бабелевского рассказа «История моей голубятни», который в ходе погрома был ограблен и унижен в то самое время, когда его сын оканчивал первую четверть в русской гимназии. Симптоматичны, например, воспо-

минания о периоде советской власти Берла Шустера (в 1939 г. ему было одиннадцать лет). О периоде 1939–1941 гг. мемуарист вспоминает только два сюжета. Первый – это собственное счастливое детство новоявленного советского пионера. Второе – крах частного бизнеса его отца, который в межвоенные годы владел сыромятней, а после сентября 1939 г. попал в категорию «бывших эксплуататоров» [Shuster 1996, 22]. Таким образом, советизация модернизировала уклад жизни польского еврейства. Это повлекло крах мира евреев-родителей, но еврейские «дети модерна» оказались «в авангарде» советской модернизации.

Эффективность советизации присоединенных территорий во многом зависела от успеха советской молодежной политики. Как отмечалось в начале статьи, к июню 1941 г. советизация бывшей Восточной Польши не была окончена – она была прервана германо-советской войной. Однако анализ трансформации молодежной повседневности, а также восприятие этих изменений еврейскими детьми и юношеством указывают на результативность советской политики в отношении евреев Западной Белоруссии. Вероятно, не будь войны и Холокоста, многие представители этого поколения еврейской молодежи смогли бы весьма скоро и в полной мере осознать себя полноправными советскими гражданами.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Russian Science Foundation) (проект № 19-78-00131); исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Источники

- Гессен 2014 – *Гессен Э.* Белосток – Москва: мемуары. М.: АСТ, CORPUS, 2014. 224 с.
- ЗГАБар – Зональный государственный архив в г. Барановичи. Ф. 162. Оп. 2. Д. 317. Л. 3.
- Марголис 2006 – *Марголис Р.* Немного света во мраке. Вильнюс: Государственный Еврейский музей им. Вильнюсского Гаона, 2006. 480 с.
- Мордухович 2013 – *Мордухович М.* Местечко Желудок // Желудок: память о еврейском местечке. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Институт славяноведения РАН, 2013. С. 267–302.

- НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 14567 «Стенограмма Минского городского партийного актива по докладу тов. Пономаренко – о Западной Белоруссии, 12.10.1939». Л. 19.
- НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 14623 «Докладные ЦК КП(б)Б, посланные в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, 01.1939–12.1939». Л. 210.
- НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 15137 «Проекты постановлений бюро ЦК КП(б)Б, справки об устранении недостатков руководства в местных партийных организациях в деле приема новых членов в ВКП(б), о создании комсомольских организаций в Западных областях БССР и др. (1940)». Л. 25, 34.
- Aviel 2006 – *Aviel A. A village named Dowgalishok. The Massacre at Radun and Eishishok.* London: Vallentine Mitchell, 2006. 320 p.
- Cholawski 2005 – *Cholawski Sh. So Much Longing, So Much Charm...* Nesvizh-Vilna-Rakov. Israel: Print Press Ltd., 2005. 297 p.
- Ettinger – *Ettinger L. From the Lida Ghetto to the Bielski Partisans.* USHMM. RG-02.133.
- Fisher-Lee 2009 – *Fisher-Lee L. Girl from Oszmiany: The Story of My Life: As told to Georg Lee.* [Dania Beach: Holocaust Documentation & Education Center], 2009. 74 p.
- Grudzińska-Gross and Gross 1981 – *War Through Children's Eyes. The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939-1941 / Ed. by Irena Grudzińska-Gross, Jan Tomasz Gross.* Stanford: Hoover Institution Press, 1981. 260 p.
- Izhar 2009 – *Izhar N. Chasia Bornstein-Bielicka: One of the Few. A Resistance Fighter and Educator, 1939–1947.* Jerusalem: Yad Vashem, 2009. 389 p.
- Kantorowitz 2004 – *Kantorowitz M. My mother's Bequest: from Shershev to Auschwitz to Newfoundland.* Canada: Claims Conference Holocaust Survivor Memoir Collection (United States Holocaust Memorial Museum, 2004. 663 p.
- Kutz 2013 – *Kutz M. If, By Miracle.* Toronto: The Azrieli Foundation and others, 2013. 150 p.
- Laskni 2013 – *Laskin D. The Family. Three Journeys into The Heart of The Twentieth Century.* N.Y.: Viking, 2013. 400 p.
- Lew – *Lew S. From Bialystok to Brooklyn.* USHMM. RG-02.202.
- Manski 1990 – *Manski S. With God's Help.* Madison, Wisconsin: Charles F. Manski, 1990. 90 p.
- Schulman 1995 – *Schulman F. A Partisan's Memoir. Woman of the Holocaust.* Toronto: Second Story Press, 1995. 223 p.
- Shuster 1996 – *Shuster B. I Will Die Tomorrow, But Not Today.* [Rochester, N.Y.: Bernard Shuster] / USHMM. DS135.P63 S387 1996. 61 p.
- Solomian-Loc 1981 – *Solomian-Loc F. Woman facing The Gallows.* [Self-published] / USHMM. DS135.B383 S76 1981. 225 p.
- Sutin 1995 – *Sutin J., Sutin R. Jack and Rochelle: A Holocaust Story of Love and Resistance.* Minneapolis: Graywolf Press, 1995. 225 p.

- USHMM – United States Holocaust Memorial Museum. Washington, D.C.
 USHMM, Interview with Aron Laro. RG-50.233*0065.
 USHMM, Interview with Aron Derman. RG-50.030*0299.
 USHMM, Interview with Noah Roitman. RG-50.106*0115.
 USHMM, Interview with Jack Ahrens. RG-50.030*0311.
 USHMM, Interview with Sonya Oshman. RG-50.002*0021.
 USHMM, Interview with Don Felson. RG-50.477*0552.
 USHMM, Interview with Jack Kagan. RG-50.149*0022.
 USHMM, Interview with Herry Bass. RG-50.233*0005.
 USHMM, Interview with Fania Heifetz. RG-50.929*0002.
 USHMM, Interview with Gerasimova Roza Abramovna. RG-50.378*0004.
 Yad Vashem archive (YVA). RG-M.41*3100. «Докладные справки работников
 Обкома КП(б)Б в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б и работников Горкомов и
 Райкомов КП(б)Б в Обком КП(б)Б, 1939–1940 гг.» Л. 1.
 Zandman, Chanoff 1995 – *Zandman F., Chanoff D.* Never the Last Journey. N.Y.:
 Schocken Books, 1995. 427 p.

Литература

- Бемпорад 2016 – *Бемпорад Э.* Превращение в советских евреев: Большевицкий эксперимент в Минске. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 351 с.
 Бернштейн 2018 – *Бернштейн С.* Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 302 с.
 Бернштейн 2015 – *Бернштейн Ю.* Шанс уцелеть // *Ab Imperio*. 2015. № 4. С. 167–176.
 Будницкий 2015 – *Будницкий О. В.* Слишком поляки для Советов, слишком евреи для поляков: польские евреи в СССР в 1939–1945 // *Ab Imperio*. 2015. № 4. С. 213–236.
 Булдаков, Леонтьева 2017 – *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: Изд-во «Истлит», 2017. 624 с.
 Горланов, Рогинский 1997 – *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // *Репрессии против поляков и польских граждан*. М.: Звенья, 1997. С. 77–113. <http://old.memo.ru/history/POLAcu/Index.htm> (дата обращения: 05.06.2020).
 Колоницкий 2001 – *Колоницкий Б. И.* Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2001. 350 с.
 Котлерман 2009 – *Котлерман Б.* Остатки еврейской школы в СССР в последние предвоенные годы // *Лехаим*. 2009. № 5 (205). https://lechaim.ru/ARHIV/205/kotlerman.htm#_ftn3 (дата обращения: 17.01.2022).

- Раманова, Махоўская 2009 – *Раманова І., Махоўская І.* Мiр: гісторыя мястэчка, што расказаў яго жыхары. Вільня: Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт, 2009. 247 с.
- Розенблат, Еленская 1997 – *Розенблат Е. С., Еленская І. Э.* Пінскіе евреі: 1939–1944 гг. Брэст: Брэстскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Пушкіна, 1997. 308 с.
- Ромашова 2012 – *Ромашова М. В.* Занімацельнае істачніковедзеццё: історыя дзетства // Вестнік Пермскага ўніверсітэта. Серыя: Історыя. 2012. Вып. 3 (20). С. 172–179.
- Слезкін 2019 – *Слезкін Ю.* Эра Меркурыя. Евреі ў савреманым свеце. М.: CORPUS, 2019. 512 с.
- Сляшыньскі 2014 – *Сляшыньскі В.* Кіно ў савецкай сістэме прапаганды на Беласточчыне ў 1939–1941 гг. // Arche Пачатак. 2014. №7–8. С. 380–395.
- Смирнова 2015 – *Смирнова Т. М.* Дети страны советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М., СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
- Bauer 2009 – *Bauer Y.* Death of the Shtetl. New Heaven: Yale University Press, 2009. 224 p.
- Bender 2008 – *Bender S.* The Jews of Białystok during World War II and the Holocaust. Waltham: Brandeis University Press, 2008. 315 p.
- DeGraffenried 2014 – *DeGraffenried J. K.* Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War. Lawrence: University Press of Kansas, 2014. 264 p.
- Gross 2003 – *Gross J. T.* Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton: Princeton University Press, 2003. 433 p.
- Grudzińska-Gross, Gross 1981 – War Through Children's Eyes. The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939–1941 / Ed. by I. Grudzińska-Gross, J. T. Gross. Stanford: Hoover Institution Press, 1981. 260 p.
- Grynberg 1994 – *Grynberg H.* Dzieci Syjonu. Warszawa: Wyd-wo "Karta", 1994. 166 s.
- Kangisser Cohen 2014 – *Kangisser Cohen Sh.* Testimony and Time: Holocaust Survivors Remember. Jerusalem: Yad Vashem, 2014. 241 p.
- Kelly 2007 – *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven: Yale University Press, 2007. 736 p.
- Kijek 2017 – *Kijek K.* Dzieci modernizmu: Świadomość, kultura i socjalizacja polityczna młodzieży żydowskiej w II Rzeczypospolitej. Wrocław: Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2017. 464 p.
- Kucherenko 2016 – *Kucherenko O.* Soviet Street Children and the Second World War: Welfare and Social Control under Stalin. New York: Bloomsbury Academic, 256 p.

- Levin 1995 – *Levin D.* The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 1995. 345 p.
- Mannheim 1952 – *Mannheim K.* *Essays on the Sociology of Knowledge.* London: Forgotten Books, 1952. 342 p.
- Pinchuk 1990 – *Pinchuk B.-C.* Shtetl Jews under Soviet Rule: Eastern Poland on the Eve of the Holocaust. Oxford: Basil Blackwell, 1990. 186 p.
- Siekierski, Tych 2006 – *Widziałem anioła śmierci: losy deportowanych żydów polskich w ZSRR w latach II wojny światowej: świadectwa zebrane przez Ministerstwo informacji i Dokumentacji Rządu Polskiego na Uchodźstwie w latach 1942–1943 / wyd. M. Siekierski, F. Tych.* Warszawa: Rosner i Wspólnicy, 2006. 599 s.
- Veidlinger 2016 – *Veidlinger J.* In the Shadow of the Shtetl: Small-Town Jewish Life in Soviet Ukraine. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 424 p.
- Walke 2015 – *Walke A.* Pioneers and Partisans: an Oral History of Nazi Genocide in Belarus. N.Y.: Oxford University Press, 2015. 317 p.
- Winkler 2017 – *Winkler M.* Children, Childhood, and Stalinism // *Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History.* 2017. Vol. 18. Issue 3. P. 628–637.

“Between Stalinism and the War”: Everyday Life of Jewish Youth in Western Belorussia, 1939–1941

Yanina Karpenkina

(Moscow, Russia)

HSE University, Institute for Advanced Soviet and Post-Soviet Studies

Ph. D., Senior Research Fellow, Associate Professor

E-mail: ykarpenkina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9906-4340

Abstract: This study focuses on the transformation of Jewish youth’s everyday life in Western Belorussia, 1939-1941. The author came to the following conclusion. In Western Belorussia, as in the rest of the Soviet regions, the crucial issue of the Sovietization policy was education of the younger generation. The impact of the Soviet youth policy measures on the Jewish children and adolescents had an impressive success. Living in rather extreme socio-political conditions, the Jewish youth, in contrast to the elder generation of Polish Jews, turned out to be very susceptible to the policy of Sovietization.

The main reason for that was the wide opportunities for emancipation provided to the young Jews by the Sovietization efforts.

Keywords: Western Belorussia, Eastern Poland, Polish Jews, youth, Sovietization

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.07

References

- Bauer, Y., 2009, *Death of the Shtetl*. New Heaven, Yale University Press, 224.
- Bemporad, E., 2016, *Prevrashchenie v sovetskikh evreev: Bol'shevistskii eksperiment v Minske* [Becoming Soviet Jews: The Bol'shevik Experiment in Minsk]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia, 351. [Russian].
- Bender, S., 2008. *The Jews of Bialystok during World War II and the Holocaust*. Waltham, Brandeis University Press, 315.
- Bernshtein, Yu., 2015, Shans utselet' [Chance to survive]. *Ab Imperio*, 4, 167–176.
- Bernstein, S., 2018, *Vospitannye pri Staline. Komsomol'tsy i zashchita sotsializma* [Raised under Stalin: Young Communists and the Defense of Socialism]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia, 302. [Russian].
- Buldakov, V. P., and T. G. Leont'eva, 2017, *1917 god. Elity i tolpy: kul'turnye landshafty russkoi revoliutsii* [1917. Elites and Crowds: Cultural Landscapes of the Russian Revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Istlit, 2017, 624. [Russian].
- DeGraffenried, J. K., 2014, *Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War*. Lawrence, University Press of Kansas, 264.
- Gorlanov, O. A., and A. B. Roginskii, 1997, Ob arestakh v zapadnykh oblastiakh Belorussii i Ukrainy v 1939–1941 gody [On the Issue of Arrests in the Western Regions of Belorussia and Ukraine in 1939–1941]. *Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan* [Repressions against Poles and Polish Citizens]. Moscow, Zven'ia, 77-113. [http:// old.memo.ru/history/POLAcY/Index.htm](http://old.memo.ru/history/POLAcY/Index.htm). [Russian].
- Gross, J. T., 2003, *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Princeton, Princeton University Press, 433.
- Grudzińska-Gross, I., and J. T. Gross, eds., 1981, *War Through Children's Eyes. The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939–1941*. Stanford, Hoover Institution Press, 260.
- Grynberg, H., 1994, *Dzieci Syjonu* [Children of Zion]. Warszawa, Wyd-wo “Karta”, 166. [Polish].
- Kangisser Cohen, Sh., 2014, *Testimony and Time: Holocaust Survivors Remember*. Jerusalem, Yad Vashem, 241.
- Kelly, S., 2007, *Children's world: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven, Yale University Press, 736.

- Kijek, K., 2017, *Dzieci modernizmu: Świadomość, kultura i socjalizacja polityczna młodzieży żydowskiej w II Rzeczypospolitej* [Children of Modernism: Consciousness, Culture and Political Socialization of Jewish Youth in the Second Polish Republic]. Wrocław, University Wrocław Press, 464. [Polish].
- Kolonickii, B. I., 2001, *Simvoly i bor'ba za vlast'. K izucheniju politicheskoy kul'tury Rossijskoj revoljucii 1917 goda* [Symbols and Power Struggle. On the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, Liki Rossii, 350. [Russian].
- Kotlerman, B., 2009, *Ostatki evreiskoi shkoly v SSSR v poslednie predvoennye gody* [The Remnants of the Jewish School in the USSR in the Last Pre-war Years]. *Lekhaim*, 5. https://lechaim.ru/ARHIV/205/kotlerman.htm#_ftn3. [Russian].
- Kucherenko, O., 2016, *Soviet Street Children and the Second World War: Welfare and Social Control under Stalin*. New York, Bloomsbury Academic, 256.
- Levin, D., 1995, *The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941*. Philadelphia, The Jewish Publication Society, 345.
- Mannheim, K., 1952, *Essays on the Sociology of Knowledge*. London, Forgotten Books, 342.
- Pinchuk, B.-C., 1990, *Shtetl Jews under Soviet Rule: Eastern Poland on the Eve of the Holocaust*. Oxford, Basil Blackwell, 186.
- Ramanava, I., and I. Mahouskaja, 2009, *Mir: gistoryja mjastjehka, shto raskazali jago zhyhary* [Mir: the History of the Shtetle, What Did the Inhabitants Say]. Vil'na: Eurapejski humanitarny universitjet, 247. [Belarusian].
- Romashova, M. V., 2012, *Zanimatel'noe istochnikovedenie: istoriia detstva* [An Entertaining Source Studies: the History of Childhood]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriia*, 3, 172–179. [Russian].
- Rozenblat, E. S., and I. E. Elenskaia, 1997, *Pinskie evrei: 1939–1944 gg.* [The Jews in Pinsk, 1939–1944]. Brest, Brestskii gosudarstvennyi universitet imeni Pushkina, 308. [Russian].
- Siekierski, F., and M. Tych, eds., 2006, *Widziałem aniola śmierci: losy deportowanych żydów polskich w ZSRR w latach II wojny światowej: świadectwa zebrane przez Ministerstwo informacji i Dokumentacji Rządu Polskiego na Uchodźstwie w latach 1942–1943* [I Saw the Angel of Death: the Fate of Polish Jews Deported to the USSR during World War II: Testimonies Collected by the Ministry of Information and Documentation of the Polish Government in Exile in 1942–1943]. Warsaw, Rosner i Wspólnicy, 599. [Polish].
- Slezkine, Yu., 2019, *Era Merkurii. Evrei v sovremennom mire* [Age of Mercury. The Jewish Century]. Moscow, CORPUS, 512. [Russian].
- Sliashyn'ski V., 2014, *Kino u savetskai sisteme prapagandy na Belastochchynе u 1939–1941 gody* [Cinema in the Soviet Propaganda System in the Area of Bialystok in 1939–1941]. *Arche Pachatak*, 7–8, 380–395. [Belarusian].

- Smirnova, T. M., 2015, *Deti strany sovetov: Ot gosudarstvennoi politiki k realiam povsednevnoi zhizni. 1917–1940 gody* [Children of the Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, Institut rossiiskoi istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 384. [Russian].
- Veidlinger, J., 2016, *In the Shadow of the Shtetl: Small-Town Jewish Life in Soviet Ukraine*. Bloomington: Indiana University Press, 424.
- Walke, A., 2015, *Pioneers and Partizans: an Oral History of Nazi Genocide in Belarus*. N.Y., Oxford University Press, 317.
- Winkler, M., 2017, Children, Childhood, and Stalinism. *Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History*, 18(3), 628–637.